

РОССИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СТАТУС-КВО И ЦЕНА СТАБИЛЬНОСТИ

Сергей Маркедонов¹

ЮГООСЕТИНСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

26 августа 2015 года исполнилось семь лет с того момента, как Россия признала независимость Южной Осетии, бывшей автономной области в составе Грузинской ССР².

Это событие стало началом формирования нового геополитического статус-кво на Большом Кавказе. Оно стало первым случаем нарушения Беловежских соглашений (декабрь 1991 года), в основу которых был положен принцип взаимного признания территориальной целостности бывших союзных республик - новых независимых государств постсоветского пространства. В 2008 году впервые после распада Советского Союза в качестве независимых государств были признаны не союзные республики, а автономные образования. Следует оговориться, де-факто Грузия утратила свой контроль над значительной частью территории бывшей Юго-Осетинской автономной области (которая стала основой для формирования непризнанной государственности Южной Осетии) еще в 1992 году. Однако до 26 августа 2008 года независимость Республики Южная Осетия никто не признавал, включая и Россию.

За 2008-2015 гг. независимость бывшей грузинской автономии была признана четырьмя государствами-членами ООН. Кроме РФ это сделали Никарагуа (сентябрь 2008 года), Венесуэла (сентябрь 2009 года), Науру (декабрь 2009 года) и Тувалу (сентябрь 2011 года). Однако в марте 2014 года Тувалу отозвало свое признание³. На первый взгляд, это значительно уступает числу стран, признавших независимость бывшего сербского автономного края Косово. По состоянию на конец мая 2015 года его признали 108 государств (что составляет около 55% от всего числа стран - членов ООН). Однако по-прежнему пять государств Европейского Союза (Греция, Испания, Кипр, Словакия и Румыния), из них четыре (за исключением Кипра), входят в НАТО, а также два постоянных члена Совбеза ООН (Россия и Китай) продолжают настаивать на территориальной целостности Сербии.⁴ При этом по сравнению с Турецкой Республикой Северного Кипра, де-факто образованием, занимающим 38% разделенного конфликтом острова и имеющим всего лишь одно признание

1 Сергей Маркедонов - Российский политолог, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета. Мнения, высказанные в статье, принадлежат только автору и не отражают позицию университета.

2 Югоосетинская автономия была ликвидирована грузинскими властями за год до распада Советского Союза. Решение об этом было принято 11 декабря 1990 года Верховным Советом Грузии. В соответствии с Законом Грузии «Об оккупированных территориях» (статья 2, пункт «б»), Южная Осетия определяется как «Цхинвальский регион» (территории бывшей Юго-Осетинской автономной области)» (см. Закон Грузии об оккупированных территориях // http://rcc.ge/law/kannGeo_2008_23_10_R.htm?lawid=1731&lng_3=ru). На официальном сайте аппарата государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия используются оба определения - Южная Осетия и Цхинвальский регион (<http://new.smr.gov.ge/smr/FileList.aspx?ID=32>).

3 Тувалу отозвало свое признание Абхазии и Южной Осетии // <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=25821/> 2014.- 31 марта

4 Российская позиция по Косово имеет свои отличительные черты от подхода КНР. Москва выражала готовность к признанию бывшего сербского края в том случае, если это сделает сам официальный Белград. В начале ноября 2013 года это мнение озвучил посол РФ в Сербии Александр Чепурин. См.подробнее: <http://www.svoboda.org/content/article/25163955.htm>

(Турция) за период с 1983 по 2015 гг., у Южной Осетии есть некоторое численное преимущество.

Таким образом, прецедент международной легитимации бывшей автономии Грузии создан. И начало ему было положено Россией. Согласно Концепции внешней политики РФ (2013), «в числе российских приоритетов остается содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению». При этом нормализация двусторонних отношений с Грузией ставится в прямую зависимость от «учета политических реалий, сложившихся в Закавказье», то есть нового статуса, признаваемого Москвой за Южной Осетией и Абхазией⁵. Несмотря на то, что подавляющее большинство стран мира продолжает признавать территориальную целостность Грузии, Южная Осетия получила ограниченное признание. В этом плане ее статус (наряду с Абхазией) отличается от положения двух других де-факто государств постсоветского пространства - Нагорно-Карабахской Республики (признаваемой частью Азербайджана) и Приднестровской Молдавской Республики (юридически считающейся частью Молдовы), которые не имеют ни одного признания.

За последние семь лет Россия кардинально изменила свой статус в грузино-осетинском этнополитическом конфликте. Вплоть до августа 2008 года Москва, несмотря на значительную эволюцию своих подходов, с формально-правовой точки зрения выступала в роли участника миротворческой операции и посредника в урегулировании противостояния. Но начиная с момента признания югоосетинской независимости, Россия превратилась в военно-политического и социально-экономического патрона двух де-факто государств, гаранта их безопасности и самоопределения (не самоопределения вообще, а отделения от Грузии).

Эти действия Москвы вытеснили на второй план всю предыдущую российскую политику на югоосетинском направлении, заслонили те факторы, которые влияли на ее эволюцию. Из-за этого действия России в 2008 году и в последующие годы выглядят, по большей части, как эмоциональная реакция на политику Тбилиси в период президентства Михаила Саакашвили (2004-2013). Между тем, подходы РФ на протяжении всего постсоветского периода не были чем-то раз и навсегда данным, они изменялись под влиянием различных внутривнутриполитических и внешних факторов.

В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть:

- основные этапы политики Москвы в отношении к Южной Осетии и факторы, влияющие на ее изменения,
- интересы РФ в республике после признания ее независимости,
- противоречия между заявленной самостоятельностью и растущей зависимостью Южной Осетии от российского социально-экономического и политического влияния.

В конечном итоге предполагается формулирование ответа на вопрос, какую «цену» платит Россия за свое влияние на частично признанное образование, в чем выгоды и издержки того выбора, который был сделан ею семь лет назад.

МОСКВА НА ЮГООСЕТИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ

Фактически политика РФ на югоосетинском направлении была теснейшим образом связана с динамикой грузино-осетинского конфликта. Вовлечение в него России началось практически с самых первых дней его возникновения. Во-первых, идеология югоосетинского национального движения в отличие от абхазского строилась не столько вокруг сепаратизма от Грузии, сколько вокруг

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации

// http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F 2013. - 18 февраля.

объединения с Северной Осетией (автономная республика в составе РСФСР, а затем национально-государственное образование в составе РФ)⁶.

Во-вторых, из-за конфликта на территорию Северной Осетии в начале 1990-х годов перешли около 43 тыс. беженцев из самой Южной Осетии и внутренних областей Грузии, которые оказались вовлеченными в другое этнополитическое противостояние - осетино-ингушское (из-за споров по поводу территориальной принадлежности Пригородного района).⁷

Столкнувшись с «парадом суверенитетов» внутри России (борьба Чечни и Татарстана за самостоятельность), Москва первоначально поддерживала намерения Тбилиси по восстановлению территориальной целостности Грузии. Эта позиция была зафиксирована в марте 1991 года на встрече тогдашних председателей грузинского и российского Верховных Советов в Казбеги. При этом в начале 1990-х годов североосетинские действия напрямую Кремлем не контролировались. Более того, условием подписания Федеративного договора Владикавказ ставил поддержку (в той или иной форме) Южной Осетии Москвой. В конце мая 1992 года Северная Осетия перекрыла газопровод, ведущий в Грузию⁸.

24 июня 1992 года президенты РФ и Грузии Борис Ельцин и Эдуард Шеварднадзе подписывают Дагомыские (Сочинские) соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта⁹. 14 июля начинается миротворческая операция. Вводятся российский, грузинский и североосетинский миротворческий батальоны, боевые действия прекращаются, создается Смешанная контрольная комиссия (представители РФ, Грузии, Южной Осетии, Северной Осетии) по соблюдению условий прекращения огня.

Таким образом, вооруженный конфликт был «заморожен», но его решения Москва по-прежнему видела на путях восстановления территориальной целостности Грузии в границах Грузинской ССР. Свою роль она видела в проведении миротворческой операции и поддержании статус-кво, предполагая, что конечное решение этого конфликта (а также противостояния в Абхазии) будет обеспечено при ее решающей роли, а единство Грузинского государства будет гарантировано никем иным, как Россией.

В феврале 1994 года РФ и Грузия подписали серию соглашений, которые предусматривали оказание помощи со стороны России в развитии грузинской армии, дислокацию российских пограничников и, что особенно важно, право России держать свои военные базы в Грузии. В 1994 году Грузия присоединилась к Договору о коллективной безопасности (ДКБ, который был подписан 15 мая 1992 года) и вступила в СНГ. В 1996 году Москва негативно отнеслась к введению президентского поста в Южной Осетии, сделав по этому поводу жесткое заявление¹⁰.

Российские позиции по отношению к Грузии претерпели существенную эволюцию, начиная с 1998 года. Этому способствовали попытки грузинского руководства в одностороннем порядке без

6 19 января 1992 года был организован референдум за выход Южной Осетии из состава Грузии и объединение с Северной Осетией, то есть фактически с Россией. В этом голосовании не приняли участие грузины, проживавшие на территории упраздненной Юго-Осетинской АО. Более 90% участников референдума проголосовали за выход Южной Осетии из состава Грузии и объединение с Россией. 29 мая 1992 года Верховным Советом Южной Осетии был принят «Акт о провозглашении независимости Республики Южная Осетия». Единственными источниками права на территории Южной Осетии признавались законодательные акты этого непризнанного государства. Текст Акта см.: http://osinform.ru/1646-akt_provozglasheniya_nezavisimosti_respubliki_juzhnaja_osetija_5032.html 2007.- 29 мая.

7 Грузия - Южная Осетия: возвращение беженцев – путь к миру. Политический Брифинг. Крайсис Групп. Европа № 38. Тбилиси. Брюссель. 2005. – 19 апреля. - С. 5.

8 Подробнее см.: Маркедонов С.М. Де-факто государства постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Ереван. 2013.

9 Текст Соглашений см.: Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: Документы 1989-2006 гг. М.: Русская панорама, 2008. С. 252-253.

10 Скаков А.Ю. Южная Осетия: демография, экономика, политика //Грузия: проблемы и перспективы. М., Российский институт стратегических исследований. 2001. С. 172.

учета интересов РФ силой изменить сложившийся статус-кво и «разморозить конфликт». Такие попытки были предприняты в мае 1998 года в Гальском районе и сентябре 2001 года в Кодорском ущелье (знаменитый рейд чеченского полевого командира Руслана Гелаева). После поражения России в первой чеченской кампании изменилась позиция официального Тбилиси по отношению к руководству сепаратистской Ичкерии. Грузинские лидеры переоценили «слабость России», посчитав ее неудачу началом большого геополитического отступления с Кавказа. Впоследствии многие грузинские эксперты и политики (особенно в частных беседах) признавались, что сделали не вполне верные расчеты.

Что же касается международного контекста, то с конца 1990-х годов активизировалось стремление Грузии в НАТО, что сопровождалось не просто определенной риторикой, но фактически увязывалось с минимизацией российского влияния и в процессе урегулирования двух конфликтов, и в Закавказье в целом. Одним из главных внешнеполитических лозунгов Эдуарда Шеварднадзе во время его президентской избирательной кампании 2000 года стало обещание «постучаться в двери НАТО» в 2005 году. Следование этому подходу отчетливо проявилось в ситуации с Панкисским ущельем (2002), где в конце 1990-х начале 2000-х гг. «безопасную гавань» нашли полевые командиры из Чечни. Тогда грузинское руководство для борьбы с террористической угрозой демонстративно выбирало не Москву, а Вашингтон¹¹.

При этом на югоосетинском направлении и после всех отмеченных выше ухудшений Москва, в целом, придерживалась линии на поддержание статус-кво. Во-первых, миротворческую миссию здесь несли совместно грузинский и российский батальоны. Во-вторых, были подписаны важные документы, обеспечивавшие реабилитацию конфликтной территории. В мае 1996 года был подписан «Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте», а в феврале 1997 года - «Порядок добровольного возвращения беженцев и вынужденных переселенцев в места прежнего проживания в Южной Осетии и во внутренних районах Грузии». Для реализации этих договоренностей создается Спецкомитет по возвращению беженцев. В 2000 году было подписано российско-грузинское межправительственное Соглашение о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и о возвращении беженцев. В-третьих, заметную роль в урегулировании конфликта играл и президент Северной Осетии Александр Дзасохов (занимал этот пост в 1998-2005), который имел прямые неформальные контакты с соратником по бывшему Политбюро ЦК КПСС Эдуардом Шеварднадзе. Все это позволяло разряжать обстановку.

Более того, за 12 лет был наработан значительный позитивный потенциал в процессе мирного урегулирования. В отличие от Абхазии Южная Осетия не знала масштабных этнических чисток грузинского населения. Вплоть до августа 2008 года здесь сохранялось совместное проживание грузин и осетин. В Конституции самопровозглашенной автономной республики Южная Осетия грузинский язык был признан в качестве языка меньшинства. Перестрелки, блокады и провокации прекратились, удалось достичь относительного мира. До 2004 года между Тбилиси и Цхинвали действовало прямое автобусное сообщение, существовали рынки (Эргнети), где грузины и осетины торговали совместно, взаимно признавались автомобильные номера. Следует заметить, что в послевоенных условиях основу экономики территории с «отложенным статусом» составляла контрабанда, в которую были вовлечены представители обеих этнических групп. Но эта теневая экономика накрепко привязывала Южную Осетию к Грузии, она же, пусть и неформальным способом, формировала доверие двух конфликтовавших общин¹².

Но окончательным водоразделом стали события весны-лета 2004 года в Южной Осетии. 31 мая 2004 года без согласования действий со Смешанной контрольной комиссией (СКК) под предлогом

11 Маркедонов С.М. Северокавказская карта Грузии //Свободная мысль. 2010. № 12, с. 45.

12 Kolstø P., Blakkisrud H. Living with Non-recognition: State- and Nation-building in South Caucasian Quasi-states //Europe-Asia Studies. 2008. № 60 (3). P. 483-509.

борьбы с контрабандой на территорию Южной Осетии были введены силы спецназа МВД Грузии (300 человек). Впоследствии эти действия были интерпретированы как наведение порядка на международно признанной территории Грузии. Немало публицистов и тогда, и сейчас патетически задавались вопросами: «А разве могли власти Грузии поступить иначе? Разве кто-то кроме них мог наводить порядок на собственной территории?». Однако при ответе на эти вопросы надо иметь в виду важный нюанс - сама Грузия, идя на подписание Соглашений о прекращении огня в 1992 году, передала часть своего суверенитета СКК.

Именно у Комиссии (куда входили и представители Грузии наряду с чиновниками из РФ, Южной и Северной Осетии) оставались прерогативы по контролю над «демаркационным коридором». Сам текст Соглашения прямо запрещал всем сторонам (включая и Тбилиси) вводить экономические санкции или блокады, чинить гуманитарные препятствия и мешать возвращению беженцев. При этом миротворцам даже давалось право «принимать все меры для локализации вооруженных столкновений и уничтожения бандформирований в районах и селах на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, не вошедших в зону конфликта и коридор безопасности».

Нарушение этого Соглашения (а затем и прямое игнорирование, и выхолащивание всех его пунктов) открывало дорогу к «размораживанию конфликта». События августа 2008 года стали лишь логическим завершением этого процесса. К сожалению, на международном уровне процесс «разморозки» (2004–2008) до сих пор не получил должной оценки, хотя именно он заставил Москву занять более жесткую и эмоциональную позицию по абхазскому и югоосетинскому вопросу. И, в конечном итоге, пойти на признание двух бывших автономий, что в настоящее время является причиной обвинений в адрес Москвы по поводу «ревизионизма» и односторонней поддержки сепаратистов. Прямое военное столкновение России и Грузии вместе с окончательным разрушением старого статус-кво, признание независимости Косово (впервые после распада СФРЮ было признано не союзное, а автономное образование), а также разногласия в трактовках т.н. «Соглашения Медведева—Саркози»¹³ подстегнуло Москву пойти на признание Абхазии и Южной Осетии.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ГРУЗИИ ИЛИ РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ?

Социально-политическое бытие Осетии в последние семь лет определяется фундаментальным противоречием между декларированной независимостью и стремительным укреплением военно-политических и социально-экономических позиций России в этой частично признанной республике. Ее отделение от Грузии надежно гарантируется.

С помощью российской военной поддержки Южная Осетия существенно улучшила свое геополитическое положение. Под контроль югоосетинских властей в 2008 году перешел Ахалгорский (Ленингорский) район. Но самым важным достижением стало установление контроля над так называемым Лиахвским коридором. Он включает в себя четыре села: Кехви, Тамарашени, Курта и Ачабети. Ранее «коридор» позволял Тбилиси отрезать столицу республики Цхинвали от Рокского тоннеля и Джавского района (прямой выход на Россию). 7 апреля 2010 года между РФ и Южной Осетией было заключено соглашение об объединенной российской военной базе на югоосетинской территории.

С весны 2013 года югоосетинская сторона при поддержке РФ стала устанавливать пограничные знаки и ограждения из колючей проволоки на линии разделения частично признанной республики и Грузии. В июле 2015 года была проведена установка новых пограничных знаков на линии Хурва-

¹³ Речь идет о плане мирного урегулирования военного конфликта России и Грузии. Был подписан 12 августа 2008 года в Москве. Изначально план включал шесть пунктов. Однако после консультаций с грузинским президентом Михаилом Саакашвили ранее входивший в шестой пункт Плана тезис о международном обсуждении статуса Южной Осетии и Абхазии был исключен.

лети – Орчосани, в результате чего кусок стратегически важного нефтепровода Баку-Супса оказался под контролем Цхинвали¹⁴.

На сегодняшний день сценарии, подобные «малой войне» в Гальском районе (1998), рейду на Кодорское ущелье (2001), вводу внутренних войск и созданию лояльной Тбилиси администрации (2006) или «разморозке» конфликта в Южной Осетии (2004-2008) выглядят практически невероятными.

Более того, Москва финансирует процесс восстановления Южной Осетии, а также является главным спонсором их бюджетов. Объем российской финансовой помощи Южной Осетии в 2008-2013 гг. составил порядка 34 миллиарда рублей (чуть более 1 миллиарда долларов США).¹⁵ В 2014 году югоосетинский бюджет получил из России 6,7 млрд. рублей, в 2015 году – 6,6 млрд. На 2016 год бюджет республики составит 8,9 млрд. рублей. При этом собственные доходы Южной Осетии в нем составляют менее 8 процентов, остальное – финансовая помощь России. Так было и с показателями за предыдущие годы, когда собственные доходы республики колебались в пределах шести-восьми процентов¹⁶.

Российская поддержка привела к принципиальному изменению роли грузинского фактора в политической жизни Южной Осетии. Произошел его стремительный уход в тень. В 1990-х годах достаточно было полунамека на то, что тот или иной абхазский или югоосетинский политик связан с Грузией, чтобы поставить крест на его амбициях. Можно вспомнить те нападки, которые переживали соперники Эдуарда Кокойты во время его пребывания у власти в 2001-2012 годах. В нынешних условиях пиар с использованием «грузинской карты» не работает. Это проявилось в ходе выборов президента в Южной Осетии в 2011-2012 гг. Не в пример Абхазии там было намного больше скандалов и «черного пиара». Однако все попытки использовать т.н. «грузинский след» против Аллы Джигоевой потерпели неудачу. И хотя Джигоева в итоге не стала президентом, прецедент мирной смены власти в республике был создан. Тема Грузии не была ведущей и в ходе парламентских выборов 2014 года, на которых победу одержали сторонники партии «Единая Осетия». Напротив, в центре политической дискуссии было определение перспектив Южной Осетии под эгидой России. В итоге поддержку получила партия, выступающая за объединение Северной и Южной Осетии в рамках единого субъекта РФ¹⁷.

После того, как в октябре 2012 года коалиция «Грузинская мечта - Демократическая Грузия» во главе с миллиардером Бидзиной Иванишвили выиграла парламентские выборы, а год спустя кандидат этого объединения Георгий Маргвелашвили сменил на президентском посту Михаила Саакашвили, новые власти в Тбилиси взяли курс на нормализацию двусторонних отношений с Москвой. И первые шаги в этом направлении уже сделаны. Грузия отказалась от бойкота зимней Олимпиады в Сочи. Грузинские товары (вино и минеральная вода) вернулись на российские рынки. Начиная с декабря 2012 года, стартовали регулярные прямые переговоры представителей РФ и Грузии (встречи Григория Карасина и Зураба Абашидзе). Однако несмотря на это, представители России постоянно заявляют, что не поступят ради нормализации отношений с Тбилиси признаниями Абхазии и Южной Осетии. Между тем, в ходе своей «большой пресс-конференции» (17 декабря 2015 года) Владимир Путин и не исключил возможности договоренностей между Грузией и двумя частично признанными образованиями (Абхазия и Южная Осетия) на основе компромисса.¹⁸

14 Гамцемлидзе Д. Почему Грузия разочаровывается в прозападном курсе <http://carnegie.ru/publications/?fa=60818> 2015. – 23 июля.

15 Хлопонин: объем российской финансовой помощи Южной Осетии с 2008 года составил 34 млрд. рублей // <http://www.newsru.com/finance/19jul2013/sosetiarumoney.html> 2013- 19 июля.

16 Поступления из России в бюджет Южной Осетии составят 92,2% // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/274855/> 2015. – 23 декабря.

17 Набрав более 44% голосов, партия «Единая Осетия» получила 20 из 34 мест в парламенте Южной Осетии, а Анатолий Бибилов стал спикером. // <http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/243970/>.

18 Большая пресс-конференция президента России // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971> 2015/- 17 декабря

Однако это устное допущение президента России никак не связывается с пересмотром признания республик и «новых реалий в Закавказье», сформулированных в Концепции российской внешней политики.

При этом было бы верхом наивности считать, что в основе российского курса лежит абстрактная любовь к малым народам Кавказа и их стремлению к самоопределению. Логика Москвы базируется на жестком отстаивании своих национальных интересов. В эксклюзивном интервью Глава администрации Президента РФ Сергей Иванов четко и недвусмысленно обозначил этот приоритет: «Мы привели все в соответствие с правилами российского бюджетного законодательства. Не секрет, что мы тратим миллиарды на поддержку Абхазии и Южной Осетии. Это наши с вами налоги, а не «хотелки» руководства республик, и мы хотим, чтобы за каждый рубль был ответ, куда это пошло и зачем»¹⁹.

РОССИЙСКИЙ ИНТЕРЕС И ПРОТИВОРЕЧИВОЕ СОЮЗНИЧЕСТВО

Чего же хочет Москва, если судить по ее действиям в последние семь лет? Россия была бы заинтересована в сохранении лояльности ее внешней политики. Помимо этого четко обозначен интерес к стратегически важным объектам. В Абхазии - это железная дорога, черноморское побережье, где будет располагаться военно-морская база в Очамчире, а также курортный комплекс. Южная Осетия, не имеющая выхода к морям, привлекательна по-другому. Эта республика находится в непосредственной близости от грузинской столицы Тбилиси. В настоящее время российско-югоосетинский пограничный пост располагается всего в 450 метрах (!) от автомагистрали общекавказского значения, связывающей Азербайджан, Армению и восточную Грузию с ее собственными черноморскими портами и Турцией²⁰.

Однако для сохранения своего форпоста на Южном Кавказе Москва должна решить ключевые проблемы частично признанной республики или, как минимум, достичь серьезного прогресса на этом направлении. Наиболее серьезным вызовом для Южной Осетии сегодня является низкий демографический потенциал на фоне географической и международной изоляции.

В результате грузино-осетинского этнополитического конфликта население Южной Осетии значительно сократилось. Однако адекватно оценить динамику этих изменений крайне сложно. Перепись населения в Грузии 2002 года затронула лишь те территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, которые попали под контроль Тбилиси после прекращения вооруженного сопротивления в 1992 году. В тот момент на данных территориях грузинские статистики зафиксировали 7730 жителей.²¹

С 15 по 30 октября 2015 года в республике прошла первая после распада Советского Союза перепись населения. Согласно ее данным, в Южной Осетии в настоящее время проживает более 51 тысячи человек²². По оценкам Аппарата государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия, «регион практически опустел. На сегодняшний день население Цхинвальского региона/Южная Осетия составляет 15 – 20 тысяч человек»²³.

В настоящее время республика переживает негативное влияние целого ряда факторов. Во-пер-

19 «Не буду отрицать, сам иногда бываю коварен» // http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/30_a_5675153.shtml 2013. – 1 октября.

20 Гамцемлидзе Д. Указ. соч.

21 Ethnic groups my major administrative-territorial units [of Georgia] http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002_Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf

22 Перепись: В Южной Осетии проживают более 51 тысячи человек // <http://ugosstat.ru/perepis-v-yuzhnoy-osetii-prozhivayut-bolee-51-tysyachi-chelovek/> 2015. – 13 ноября.

23 Цхинвальский регион/Южная Осетия // <http://new.smr.gov.ge/Detailspage.aspx?ID=42>

вых, процесс восстановления Южной Осетии после «пятидневной войны» полностью не завершен. До сих пор сохраняются трудности с обеспечением жителей республики жильем, теплом и водоснабжением. Во-вторых, налицо недостаток рабочих мест и развитого рынка труда. В-третьих, существуют проблемы с собственным производственным сектором (фактически вся индустриальная база, сохранившаяся до сих пор, была создана еще в советскую эпоху). Такой вид бизнеса, как транзитная торговля между Россией и Грузией (при всех издержках в виде теневых схем), в результате «разморозки» конфликта в 2004-2008 гг. прекратился. И после 2008 года из-за амбивалентности в отношениях между Москвой и Тбилиси не восстановился. Перспективы возобновления этого вида бизнеса сегодня кажутся маловероятными. Как следствие, невозможность привлечь масштабные инвестиции (что дополнительно затрудняется и отсутствием полноценного признания республики на международной арене). Все это сильно повышает зависимость от российского финансирования, которое также не может быть жестко гарантировано хотя бы на уровне прежних лет с учетом финансово-экономического кризиса внутри самой России и повышения расходов на содержание крымской инфраструктуры. По оценкам генерального директора Экономической экспертной группы Александра Андриякова, «расходы на Крым беспрецедентны - столько от федерального центра не получают даже северокавказские республики»²⁴.

В значительной степени именно социально-экономическая бесперспективность и риск превратиться в административную территорию, на которой перераспределяют бюджетные потоки на фоне неготовности населения республики признать юрисдикцию Грузинского государства, заставляет и политиков, и жителей Южной Осетии бороться за реализацию «объединительной идеи». Единая Осетия в составе РФ видится, таким образом, как проект, дающий шанс на лучшее будущее, чем военно-политический форпост Москвы в Кавказском регионе. В этом коренное отличие югоосетинского проекта от абхазского. Абхазия ориентирована на построение собственной государственности (другой вопрос, насколько эта идея может быть реализована на практике).

Ключевым событием в политической жизни Абхазии и Южной Осетии в последние два года стало подписание договоров между этими республиками и Россией. Российско-абхазский договор о союзничестве и стратегическом партнерстве был подписан 24 ноября 2014 года, а российско-югоосетинский договор о союзничестве и интеграции 18 марта 2015 года.

Наряду с общими чертами, два договора имеют свои особенности. Абхазская сторона стремилась подвергнуть документ ревизии с целью сохранения преференций для себя (например, россияне не получили права на получение абхазского гражданства, не были допущены к приобретению недвижимости в республике, из названия документа было исключено слово «интеграция»). Югоосетинская же сторона была напротив заинтересована в максимальной интеграции с РФ вплоть до вхождения в ее состав (по примеру Крыма).

Однако Москва не спешит форсировать события и мультиплицировать крымский кейс на Кавказе. Принципиальные изменения в российско-украинских отношениях в 2013-2015 гг. не привели к тотальному слому прежних подходов РФ. Они по-прежнему определяются не столько универсальными схемами, сколько индивидуальными позициями. Там, где Москва чувствует угрозу выгодному ей статус-кво (как это было в Абхазии и в Южной Осетии в 2008 году или в Крыму в 2014), она играет на обострение и обращается к ревизионистским инструментам. Там же, где сохраняется надежда на удержание имеющегося сегодня статус-кво (случай с Приднестровьем, Нагорным Карабахом, Абхазией и Южной Осетией после 2008 года), Москва не спешит менять правила игры. Тотальная ревизия границ на постсоветском пространстве приведет к ужесточению санкций и углублению конфронтации с Западом. В условиях экономического кризиса и уже имеющегося санкционного давления российское руководство сегодня явно не хочет идти на дополнительные риски.

Следовательно, поддержание статус-кво, при котором Южная Осетия остается в статусе частично признанного образования, которое «больше, чем обычный субъект РФ, но меньше, чем

²⁴ Ста миллиардов не хватит // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/05/20/100-mlrd-ne-hvatit/#ixzz3Iqu5jG8P>
2014. - 20 мая.

независимое государство», продолжает рассматриваться Москвой как наилучший вариант. Россия продолжит финансирование бюджета Южной Осетии, процесс ее восстановления (хотя его эффективность вызывает серьезные вопросы даже у официальных представителей российской власти),²⁵ интеграции систем обороны и безопасности, а также будет играть роль арбитра во внутривнутриполитических процессах (прежде всего, на выборах). Контроль над Южной Осетией позволяет, во-первых, обозначить себя как ключевого игрока во всем Кавказском регионе, имеющего возможность формировать статус-кво по своему усмотрению без оглядки на других игроков (США и Евросоюз). Во-вторых, географическая близость республики от Тбилиси и стратегически важных коммуникаций Грузии с Арменией и Азербайджаном создает преимущество Москве в случае потенциальных рисков (как это было в 2004-2008 гг. во время «разморозки» конфликта). И РФ пытается «страховать» эти риски. В-третьих, неопределенный статус Южной Осетии является инструментом давления на Грузию в случае активизации ее евроатлантических устремлений.

Тем не менее, России на югоосетинском направлении нужна новая повестка дня, не связанная исключительно с большой геополитикой. Не та, которая будет обращаться к «грузинской опасности» (по большей части неактуальной сегодня), а к тем проблемным узлам, которые имеются сейчас в отношениях между Москвой и Цхинвали, начиная от качества расходования бюджетных средств и заканчивая проблемами восстановления республики. Следует переходить, как можно скорее, от парадигмы конфликта и восстановления к парадигме поступательного развития. Как минимум, поисков ресурсов для этого развития.

И в этом плане крайне важно составить грамотный алгоритм нормализации отношений с Грузией. Противостояние террористическим вызовам (прежде всего «Исламскому государству», уже получившему распространение на Северном Кавказе и пограничных с ним грузинских территориях) невозможно без кооперации Москвы и Тбилиси поверх неразрешенных статусных противоречий. Однако любая нормализация отношений РФ с Грузией с опаской (если не негативно) воспринимается в Цхинвали. Непраздный вопрос, как увязать в единую систему эти противоречивые отношения, кооперацию с частично признанными образованиями, с одной стороны, и нормализацию российско-грузинских отношений, с другой.

25 Южная Осетия должна выйти на новый экономический уровень - Сурков // <http://regnum.ru/news/polit/1740930.html> 2013. - 4 декабря